

М. В. РАЗУМОВСКАЯ

**Естественнонаучные идеи
в романе-трактате Монтескье
«Персидские письма»**

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

CAIEF — Cahiers d'association internationale des Etudes
françaises

FS — French Studies

MLR — Modern Language Review

PMLA — Publications of the Modern Language Association

RHLF — Revue d'histoire littéraire de la France

RLC — Revue de littérature comparée

RSH — Revue des Sciences humaines

Небольшая по объему, блестяще написанная книга «Персидских писем» (1721) Монтескье, первое значительное создание тридцатидвухлетнего автора и первое великое произведение французского Просвещения XVIII в., породила к настоящему времени весьма большую научную литературу. Тщательно исследовалось философское, общественно-политическое содержание романа, его генезис, литературная форма, восточная тематика*. Однако

* См., напр.: Sorel, A. Montesquieu. — Paris, 1887; Dedier, J. Montesquieu. — Paris, 1913; Grimsley, R. The Idea of nature in Montesquieu's «Lettres persanes» // FS — 1951. Oct. — P. 293–306; Shackleton, R. The Moslem chronology of the «Lettres persanes» // FS 1954. Jan. — P. 17–27; Tucke, r J.-E. The Turkish spy and its French background // RLC — 1958. — N 1. — P. 74–91; Läufer, R. La Réussite romanesque et la signification des «Lettres persanes» de Montesquieu // RHLF — 1961. — N 2. — P. 188–203; Mercier R. Le roman dans les «Lettres persanes»: Structure et signification // RSH — 1962. Juil.-

наряду с этим представляется заслуживающей интереса попытка изучения естественнонаучных вопросов, занимавших умы XVIII в. и получивших отражение в романе-трактате Монтескье. Такого рода анализ, нам кажется, вполне правомерен: эта книга насыщена глубокими и разнообразными идеями; «восхитительный сборник „Персидских писем“ повергает скорее в раздумья, нежели в грезы»*.

В 1710-е годы Монтескье усиленно занимается науками, причем не только историей, социологией, юриспруденцией (к чему после 1716 года его побуждали и обязанности президента парламента в Бордо), но и физикой, математикой, естествознанием, медициной. Его научные трактаты, так называемые «мемуары», предшествовавшие «Персидским письмам», отличаются широтой и разнообразием тем: «О причинах эхо», «О морских приливах и отливах», «О прозрачности», «Об относительности движения». Автора интересуют проблемы свободного падения, полета, цветения виноградников, он занимается изучением ископаемых раковин и действия почечных желез**, составляет план задуманной им «Физической истории Земли в прошлом и настоящем». 20 ноября 1721 года он произносит в Академии Бордо речь, озаглавленную «Наблюдения над естественной историей», где, резко полемизируя с широко распространенной в XVII – начале XVIII в. теорией

sept. — P. 336–365; Ehrard, J. 1) Montesquieu critique d'art. — Paris. 1965; 2) La signification politique des “Lettres persanes” // Archives des lettres modernes. — 1970. — N 116. — P. 33–50; Testude, P. «Lettres persanes», roman épistolaire // RHLF — 1966. — N 4. — P. 642–656; Benrekassa, G. 1) Montesquieu. — Paris, 1968; 2) Montesquieu et le roman comme genre littéraire // Roman et Lumières. — Paris, 1970. — P. 27–38; Chaybany, J. Les Voyages en Perse et la pensée française aux XVIIIe siècle. — Paris, 1971; Roddick, N. The Structure of the «Lettres persanes» // FS — 1974. — N 4. — P. 396–407; Grosrichard, A. Structure de sérail, la fiction du despotisme asiatique dans l'occident classique. — Paris, 1979; Сигал, Н. А. «Персидские письма» Монтескье как памятник просветительской философской мысли // Учен. зап. ЛГУ. — 1956. — №212. — Вып. 28. — С. 53–70 (см. выше в наст. изд. С. 237–257); Алейникова, Н. Н. Литературные источники «Персидских писем» Монтескье // Учен. зап. Кустанайского пед. ин-та. — 1961. — Т. 7. — С. 229–264; Баскин, М. П. Монтескье, — М., 1965; Семенова, С. Г. Философский роман Ш. Монтескье «Персидские письма» // Филологические науки. — 1972. — № 5. С. 37–47. См. также обстоятельные комментарии Поля Верньера в кн.: Montesquieu. Lettres persanes. — Paris, 1960.

* Валерии, П. Об искусстве. — М., 1976. — С. 489.

** См.: Sorel A. Op. cit. — P. 9–10; Dedieu, J. Op. cit. — P. 8.

преформизма¹, заявляет о себе как о решительном стороннике эпигенеза^{*2}. Исследователь Жан Эрар с иронией пишет об «излишне литературном» характере «Рассуждения о действии почечных желез»^{**}. Но такой характер «Рассуждения» объясняется не только дилетантизмом автора: «излишне литературной» была большая часть научной прозы той поры.

Верный духу Просвещения, Монтескьё много занимался практическими исследованиями: подолгу работал с микроскопом; препарировал лягушек; умел наложить повязку на артерию; экспериментально исследовал возможности позвоночных, долго находившихся под водой; изучал насекомых — вредителей сельского хозяйства; был горячим сторонником оспопрививания^{***}. В своих ученых занятиях Монтескьё тщательно собирал, анализировал, классифицировал реальные факты. Убежденный в тщетности метафизических разысканий, он пытается выводить следствия из причин, вникнуть не только в суть вещей, но и в отношения между ними. Научное исследование должно увенчаться практическими результатами, поэтому он стремится постигнуть мир не как метафизик, а как натуралист. Этот метод научного эмпиризма

* Теория эпигенеза в результате усиления интереса к изучению наследственности сделалась очень популярной в XVIII в. Ее приверженцами были такие крупнейшие естествоиспытатели, как Мопертюи, Бюффон, К. Ф. Вольф. В наше время вследствие развития генетики учение о чистом эпигенезе • оказалось опровергнутым, однако современная материалистическая наука, в которой восторжествовали преформационные представления (теория преформизма), учитывает и эпигенетические факторы развития, осуществляя их диалектический синтез (см.: Guyénot, E. Les Sciences de la vie aux XVIIe et XVIIIe siècles: L'Idée de l'évolution. — Paris, 1941; Roger, J. Les Sciences de la vie dans la pensée française du XVIIIe siècle. — Paris, 1963; Гайсинович, А. Е. К-Ф. Вольф и учение о развитии организмов. — М., 1961).

** Ehrard, J. L'Idée de Nature en France dans la première moitié du XVIIIe siècle. — Paris, 1963. — P. 98.

*** См.: Rostand, J. Rostand Montesquieu et la biologie // Revue d'histoire des sciences. — 1955. — N 2. — P. 129–136. — Жан Ростан, однако, рассматривает лишь ученые «Мемуары» Монтескьё, вовсе не касаясь отражения его естественнонаучных идей ни в «Персидских письмах», ни в «Духе законов». Не замечает писем, посвященных естественнонаучным проблемам, и Полин Кра, тщательно изучившая архитектонику «Персидских писем» в их тематической последовательности (см.: Kra, P. The invisible chain of the «Lettres persanes» // Studies on Voltaire and the XVIIIth century. — Vol. 23. — Genève, 1963. — P. 9–60).

будет характерен для всего его последующего творчества и ярко проявится уже в «Персидских письмах».

«Философ с презрением смотрит на человека, у которого голова переполнена фактами, а тот, в свою очередь, смотрит на философа как на отрешенного от мира фантазера»*, — размышляет персианин Узбек, осуждая ученого-схоласта и отдавая предпочтение вооруженному реальным знанием практику. Монтескьё не принимает узкого эмпиризма и метода априори, его путь, как об этом впоследствии будет объявлено в «Предисловии» к «Духу законов», — выводить причины не из привычных предрассудков, а из самой природы вещей**. Этой теме посвящено письмо СXLV, в котором европейское опытное знание противопоставляется умозрительной мудрости мусульманской философии Востока. Да, рассуждает Узбек, ученым западного мира не дано возноситься в мыслях к небесам, витать вблизи сияющего престола, внимать хорам ангелов, но зато они умеют «определять вес воздуха, окружающего Землю, или измерить общее количество воды, выпадающей за год на ее поверхность», они знают, «сколько миль в час делает звук, сколько времени нужно солнечному лучу, чтобы дойти до нас, сколько туазов от нас до Сатурна, какие линии придать корпусу корабля, чтобы он был лучшим из всех» (202). Частные наблюдения, таким образом, помогают, по Монтескьё, выводить некие общие закономерности, то, что позднее в «Духе законов» он назовет «общими началами»***.

Науке в романе-трактате Монтескьё уделено очень большое внимание. Глубокое изучение наук помогает правильному постижению мира: ученые, говорится в письме ХСVII, отказались от святых чудес, они «идут туда, куда разум», и, следуя ему, они «распутали Хаос и с помощью простой механики объяснили устройство божественного здания» (200). Мир материален, материя находится в постоянном движении согласно законам механики. Об этом прямо говорится в письме СXIII: «Мир... отнюдь не неизменен; даже сами небеса не неизменны: астрономы собственными глазами наблюдают происходящие там переме-

* Montesquieu. *Lettres persanes* / Ed. par P. Vernière. — Paris, 1960. — P. 321. — В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте (перевод наш).

** Монтескьё. Избранные произведения. — М., 1955. — С. 159.

*** Там же.

ны, которые являются естественными следствиями всеобщего движения материи. Земля, как и другие планеты, подчиняется законам движения» (236). «Творец природы, — читаем в письме ХСVII, — наделил материю движением, вполне достаточным для того, чтобы произвести то чудесное разнообразие следствий, которое мы наблюдаем во Вселенной» (200).

Письмо это, как отмечает его комментатор Поль Верньер (200), почти дословно восходит к «Началам философии» (1644) Декарта. Как и другие французские просветители XVIII в., Монтескьё не разделял многих важнейших сторон философии Декарта: его дуализма, метода априори, теории врожденных идей, однако механика Декарта была во многом созвучна представлениям Монтескьё. Сближало их и то, что Декарт был одним из немногих в XVII в. сторонников теории эпигенеза, к которой был близок и Монтескьё.

Признавая материальность мира, автор «Персидских писем» допускает многообразие форм материи и возможностей ее модификаций. «Разве я нарушу порядок, установленный Провидением, если захочу изменить модификации материи и придам шару форму куба, хотя первейшие законы движения, т. е. законы созидания и сохранения, и сотворили его круглым? ... Когда моя душа отделится от своего тела, — разве во Вселенной станет тогда меньше порядка и правильной организованности? Полагаете ли вы, что это новое сочетание будет менее совершенным и менее зависимым от всеобщих законов? ... Или вы думаете, что мое тело, превратившись в хлебный колос, червя, траву, станет созданием природы, менее достойным ее?» (161–162).

В «Персидских письмах» отразились новейшие открытия естествознания конца XVII – начала XVIII в., актуальные для того времени споры о физической природе Земли, горячие научные дискуссии в стенах Бордосской Академии. Вернемся к цитированному выше письму ХСVII. Там говорится, в частности, об определении веса и плотности земной атмосферы. Этим вопросам были посвящены труды Р. Бойля, Р. Гука, Э. Мариотта³. Измерениями количества осадков занимались в конце XVII в. Р. Тоунлей и Р. Гук, а измерениями скорости звука — П. Гассенди, М. Мерсенн, Д.-А. Борелли, Д.-Д. Кассини, О. Рёмер, Х. Гюйгенс⁴. Скорость света была впервые определена в 1675–1676 гг. О. Рёмером, опровергнувшим мнение Декарта о ее беспредельности: солнечный луч достигнет Земли за 8 минут 13 секунд, полагал

О. Рёмер⁵. Упоминание расстояния от Земли до Сатурна связано, вероятно, с трудами Э. Галлея⁶, уточнившего орбиты вращения Юпитера и Сатурна. Наконец, как замечает Поль Верньер, в письме ХСVII содержится намек на трактат Андре Дасье⁷ «Архитектура корабля», изданный в 1677 и в 1695 гг. (202).

В дополнение к комментариям Поля Верньера отметим еще один важный аспект рассматриваемого письма и некоторых из научных проблем, о которых в нем говорится. В 1687 г. был опубликован классический труд Исаака Ньютона «Математические начала натуральной философии», где была изложена созданная им единая система земной и небесной механики, ставшая впоследствии основой всей классической физики. «Начала» Ньютона, знаменовавшие переворот в научном мировоззрении, основанном на картезианской физике и механике, породили бурные споры среди ученых и философов, не стихавшие вплоть до середины XVIII в., участниками которых были Даламбер, Рид, Толанд, Кондильяк, Юм, Фонтенель, Вольтер, Мопертюи⁸ и многие другие мыслители. Однако наиболее острой и ожесточенной стала относящаяся к 1715–1716 годам полемика между Самюэлем Кларком⁹, учеником и последователем Ньютона, и Готфридом Лейбницем (она прервалась со смертью Лейбница; Кларк опубликовал свою переписку в 1717 г.)*

<...>

Большой интерес для выявления широты научных воззрений Монтеस्कье имеет письмо СХIII. Земля наша, пишет Узбек своему ученому другу Реди, «претерпевает внутри самой себя вечную борьбу своих собственных стихий: Море и Суша (Continent) пребывают между собою в бесконечной вражде; в каждое из мгновений возникают новые сочетания» (236). В этом высказывании как будто нет еще намека на противопоставление стихий воды и огня, которое в конце XVIII столетия разделит мир естествоиспытателей на нептунистов и плутонистов¹⁰, но признание этой вечной борьбы стихий внутри нашей планеты свидетельствует, что Монтеस्कье задумывался и над проблемами динамической

* См.: Полемика Г. Лейбница и С. Кларка по вопросам философии и естествознания (1715–1716) / Пер., вступ. статья и примеч. В. И. Свидаерского и Г. Кребера. — Л., 1960. См. также: Лейбниц. Соч.: В 4 т. — М., 1982. — Т. 1. — С. 430–528.

геологии; напомним, что геология как самостоятельная ветвь естествознания станет складываться только во второй половине XVIII в.

Большинство ученых конца XVII – начала XVIII вв. разделяло традиционные представления о Всемирном Потопе, перенесенном Землей, в результате которого образовались осадочные породы и содержащиеся в них окаменелости. Рассуждает о Потопе и ученый персианин Узбек. Упомянув о грандиозных эпидемиях, постигнувших человечество и постоянно угрожающих ему снова, он пишет: «Но к чему говорить об истреблении, которому мог бы подвергнуться человеческий род? Разве оно уже не случилось в действительности? И разве Потоп не свел род людской к одной семье?» (237). Однако пытливая мысль Монтескье идет дальше. Упомянув библейскую легенду о сотворении человека, он задает вопрос: «Не естественнее ли думать, что Адам был спасен от какого-то всеобщего бедствия, как Ной был спасен от потопа, и что такие грандиозные происшествия не раз случались на Земле с момента образования Мира?» (239).

Как видим, писатель склоняется к мнению о существовании катастроф в истории Земли*. Помимо катастроф частных, упоминаемых историками, разрушающих отдельные города и королевства, случаются, пишет Узбек, «и катастрофы всеобщие, которые не раз ставили человеческий род на край гибели» (236).

Хотя так называемая теория катастроф в законченном виде сложится только в XIX в., отдельные ее элементы, известные еще с глубокой древности, развивались и в трудах ученых XVII–XVIII вв. Одним из таких трудов была «Священная история Земли» («*Telluris theoria sacra*», 1680) Томаса Бернета¹¹ — одна из самых ранних попыток научно обосновать историю образования нашей планеты**. Идея катаклизмов использовалась Бернетом

* Ombretta Ranzani B. *Représentation, étiologie et prophylaxie des catastrophes naturelles au XVIIIe siècle // Studies on Voltaire and the 18th century.* — Oxford, 1980. — Vol. 191. — P. 1033–1040.

** Любопытна полемика на эту тему, возникшая после выхода книги в переписке между Бернетом и Ньютоном. Если Бернет обходит первый рассказ о сотворении мира «Книги Бытия» как чисто «идеальный», не имеющий отношения к «физической действительности», то Ньютон защищает его весьма изобретательно как разумное описание физических явлений в том виде, в каком их наблюдал бы человек с Земли, если бы он мог быть их свидетелем (см.: Розенфельд, Л. Ньютон и закон тяготения // *У истоков классической науки.* — М., 1968. — С. 75).

для истолкования геологической истории. Вполне вероятно, что мысль о катастрофах Монтескьё мог позаимствовать из книги Бернета: она была в библиотеке замка Ла Бред (236). Однако, хотя в рассматриваемом письме и идет речь о геологии, нам кажется, что мысль о катастрофах интересует Монтескьё в другой связи. Прямо он не делает из нее никаких определенных выводов. Полагаем тем не менее, что, размышляя о скрытых от глаза, но непрерывно происходящих бурных геологических процессах, о периодических катастрофах, моровых язвах, повальных болезнях, Монтескьё задумывался о вечных изменениях, происходящих в мире и не зависящих от воли человека, о непрочности того видимого покоя, который будто бы царит на Земле, об относительности всех понятий и представлений, на которых зиждется мнимое благополучие человечества: «Наше местопребывание столь подвержено изменениям, что люди находятся в весьма ненадежном положении: сотни тысяч причин способны уничтожить их и тем более увеличить или уменьшить их число» (236).

Далее автор романа переходит к вопросу о сокращении численности народонаселения Земли, объясняя его, помимо причин социальных, общественно-политических (на чем мы не останавливаемся, поскольку этот вопрос достаточно полно освещен, например, в исследованиях Э. Каркассона, А. Кризафулли, С. Котты, Р. Шеклтона, Ж.-М. Гулемо*), и естественнонаучными обоснованиями. В письме СХII из Венеции персианин Реди выражает удивление малой заселенностью Земли по сравнению с прошлыми временами. Каким образом природа могла утратить свое чудесное плодородие, и не свидетельствует ли это о ее «дряхлости»? (232). Свои беспокойства по этому поводу Реди подтверждает примерами Италии, Сицилии, Греции, Испании, Франции, северных стран; Польши и Европейской Турции, которые «уже почти совсем обезлюдели»; Америки, Азии, Африки; вырождение человечества, с его точки зрения, знаменует ужасную мировую катастрофу:

* См.: Carcassonne, E. Montesquieu et le problème de la constitution française au XVIIIe siècle. — Paris, 1927; Crisafulli, A.-S. Montesquieu's story of the Troglodytes: its background, meaning and significance // PMLA — 1943. June. — P. 372:–392; Cotta, S. Montesquieu e la scienza della società. Torino, 1953; Shackleton, R. Montesquieu: A Critical biography. London, 1961; Goulemot, J.-M. Questions sur la signification politique des «Lettres persanes» // Approches des Lumières/Mélanges offerts à Jean Fabre. — Paris, 1974. — P. 213–224.

«теперь на Земле осталась едва десятая часть людей по сравнению с жившими на ней в древности» (235). В ответах своему ученому другу (письма СХIII–СХХII*) Узбек излагает собственное понимание этого общего всем странам и континентам кризиса: это причины физического свойства (письмо СХIII), религиозные и социологические (письма CIV–CVIII), экономические и политические (CVIII–СХХI) и предлагает спасительные реформы политического и религиозного характера (СХIX–СХХII).

Как известно (см., например, комментарии к «Персидским письмам» Поля Верньера, 232–233), Монтескьё не первым заинтересовался этой проблемой: идея о мнимом вырождении человечества восходит еще к античности и основывается на мифе о Золотом веке, но уже в эпоху Возрождения сама античность стала казаться неким Золотым веком, в особенности при сравнении стран Европы с землями, обнаруженными в ходе Великих географических открытий; во времена Монтескьё существовало мнение, что Европа мало заселена, и это считалось следствием войн и религиозных преследований, особенно после отмены Нантского эдикта (1685); на рубеже XVII–XVIII вв. об этом писали Воссюс, Бейль, Вобан, Фенелон, Буленвилье, Буагильбер¹² (см. 232–233).

Особый интерес для нашего исследования представляют естественно-физические причины той депопуляции Земли, о которой говорится в письмах Узбека. К числу физических причин этого явления Узбек относит саму изменчивость мира, в том числе и небосвода, что является следствием универсального движения материи: Земля, как и другие планеты, подчинена законам движения, море и суша находятся в постоянной борьбе и каждый миг воспроизводит все новые и новые комбинации.

Именно в СХIII письме и идет речь о тех мировых катастрофах, о которых мы упоминали выше. Монтескьё доказывает, что судьбы людей целиком связаны с этими, естественными для развития материи, изменениями: тысячи различных физических

* Наличие этой серии писем, нарушающих сюжетное течение романа и построенных как научное исследование, дало Полю Верньеру основание утверждать, что первоначально эти размышления о вырождении человечества могли быть задуманы автором как самостоятельная научная диссертация и включены в роман в связи с «недостатком материала» (232). Даже при всех осторожных оговорках, которые делает Поль Верньер, едва ли он прав: ведь это научное отступление — не единственное в романе-трактате Монтескьё.

причин могут послужить причиной гибели людей, увеличить или уменьшить их численность (236).

Рассмотрев причины социально-моральные и исторические, влияющие, по его мнению, на всеобщее вырождение человечества, — эпидемические болезни (237), полигамия в мусульманских странах (239–241), рабство на Востоке (242–243), запрещение развода у христиан (243–245), право майората (252), целибат у католиков духовного звания (246–249), продажа в рабство жителей Африки (249) и богатое наличие в Америке золота и серебра, «металлов, самих по себе совершенно бесполезных» (250; 256–257), — автор романа рассматривает и естественнонаучный аспект этих проблем.

Суровый климат, непривычность к занятиям земледелием, разбросанность поселений и вследствие этого различие интересов их жителей, пагубные привычки, укоренившиеся в некоторых индейских племенах, — вот суть причины малой заселенности многих областей, обитаемых «дикарями» (253). Отрицательное воздействие на численность населения оказывает и колонизация. Привычные климатические условия предопределяют нормальное существование организма; напротив, жизнь в чуждых условиях вызывает заболевания: «соки организма» имеют определенную консистенцию, а твердые элементы — привычное расположение; органам тела свойственна определенная степень движения, и они сопротивляются новым условиям (254)*. Монтескьё подтверждает эти соображения примерами римлян, турок, мавров; карфагенян, которые (по его представлениям) открыли Америку, но мудро отказались от ее заселения (255); испанцев, которые не смогли заселить Новый Свет, но превратили его в пустыню, «да и собственную страну также» (255–258).

Процветанию человеческого рода или его увяданию способствует и форма политического правления: наиболее положительное воздействие здесь оказывает республика, характерными чертами которой являются свобода, равенство, всеобщее благоденствие (258). Деление на сословия, неизбежное при монархической форме власти, вызывает неравномерное распределение национального

* Отрывок этот (о болезнях, вызываемых изменением климата) был включен Монтескьё лишь в издание «Персидских писем» 1754 г.; задуман он был как начало научного исследования о связи между климатом и болезнями под впечатлением научных открытий врача Жозефа Ролена, представившего в 1752 г. мемуар на эту тему в Бордосскую Академию (254).

дохода, богатство одних и бедность других, что препятствует воспроизводству человеческого рода (259). Люди подобны растениям: они не могут произрастать, если за ними нет надлежащего ухода: у народов, живущих в нищете, вид вырождается, а иногда — и гибнет*. Существенно отметить, таким образом, что вопрос о вырождении человеческого рода Монтескьё разрешает не только как социолог, но и как натуралист, естествоиспытатель.

В этой связи большой интерес представляет его географическая теория: законы общественного развития были для Монтескьё, как и для большинства просветителей, законами природы, законами естественными; географическая же среда признавалась им важной причиной возникновения различных форм государственного устройства и законодательства. Следовательно, только естественные науки, по Монтескьё, могут объяснить закономерности развития общественной жизни. Природные факторы (климат, почва, рельеф местности) формируют людей; от «ужасного» или «счастливого» климата зависят и физический склад, и нравственные свойства человека, и государственный строй, и законы общества. И хотя географическая теория наиболее полно будет выражена Монтескьё только в 1748 г., в «Духе законов» (книги XIV–XVIII), многие ее положения были сформулированы им уже в «Персидских письмах» (98, 107, 160).

Таким образом, теорию морали Монтескьё объяснял географической, социально-политической (связывающей мораль с общественным строем и политическими учреждениями) и биологической, выводящей мораль из природы человека как особи, концепциями. Биологической концепции Монтескьё, как и взглядам большинства его современников-просветителей, был свойствен механистический детерминизм: душевная жизнь человека предопределена его физиологией. Вот что пишет Узбек своему другу Реди в письме XXXIII: «Душа соединена с телом, которое ее беспрестанно тиранит. Если движение крови слишком замедленно, если жизненные духи (соки) не вполне чисты, если они находятся не в достаточном количестве, — мы впадаем в смятение и тоску. Но если мы принимаем лекарства, которые могут изменить такое состояние нашего тела, — душа наша снова становится способной воспринимать впечатления, которые ее

* Проблему вырождения человечества Монтескьё будет решать и дальше, в «Духе законов» (книги XXIII, XVI).

радуют, и она испытывает тайное удовольствие от того, что ее механизм (machine) обретает, так сказать, свое движение и жизнь» (73). Поэтому Узбек и не оспаривает мнение своего собеседника-француза, который утверждает: «Я верю в бессмертие души по временам года; мои убеждения полностью зависят от состояния моего тела: в зависимости от того, много ли во мне животных духов (esprits animaux), хорошо или плохо переваривает мой желудок, чист или тяжел воздух, которым я дышу, легки или грубы продукты, которыми я питаюсь, — я бываю то спинозист, то социнианин¹³, то католик, то безбожник, то верующий» (159). «Соки организма», циркуляция крови в сосудах, пыл юности, тирания физического начала — вот что определяет нравственную жизнь людей, полагали медики, натуралисты, моралисты, романисты века Просвещения; так полагал и Монтескьё (20, 24–25). Здоровье — решающий фактор жизнедеятельности человека: размеренный образ жизни, который ведут женщины в Персии, делает их красивыми; они не играют в карты, следовательно, не проводят бессонных ночей, вовсе не пьют вина. Узбек считает, что гарем создан скорее для поддержания здоровья, чем для наслаждений (73). Интерес Монтескьё к медицине, как практической, так и теоретической, отразился также в письме СХLIII (313–316): тут приводится ученое послание провинциального медика парижскому коллеге со списком рецептов от болезней, разрушающих здоровье; осмеивая шарлатанство, Монтескьё не боится употреблять в романе научные термины.

В основе любого морального движения лежит инстинкт: так, «жажда славы ничуть не отличается от инстинкта самосохранения, который присущ всем созданиям» (185); слепой инстинкт природы лежит и в основе размножения человеческого рода (259).

Страсти людей зависят от темперамента и внешних условий существования организма. «Наш святой пророк, — размышляет Узбек по этому поводу, сравнивая парижские нравы и обычаи с образом жизни на Востоке, — по-видимому, заботился больше всего о том, чтобы уберечь нас от всего, что может смутить наш разум: он запретил нам употребление вина, от которого разум мутнеет; он запретил нам, особым предписанием, азартные игры; и хотя он не смог уничтожить причину страстей, он смягчил их. Любовь не вызывает в нас ни смятения, ни ярости; эта томная страсть не нарушает покоя нашей души; многочисленность жен оберегает нас от их всевластия, умеряет пыл наших желаний»

(119). Восточные женщины лишены веселости, потому что ведут затворнический образ жизни (99); поступки человека зависят от его натуры (298); непостоянство французов вызывается, например, не только распущенностью нравов, но и их природным темпераментом. «Они полагают, — пишет Рика, — что клясться женщине в том, что будешь любить ее вечно, столь же смешно, как и утверждать, что всегда будешь здоров или счастлив» (118).

Следует отметить, что в последнее время историков науки и филологов все чаще привлекают проблемы взаимосвязи научного и художественного познания. Глубокое мировоззренческое значение этого вопроса было подчеркнуто в докладах научного симпозиума в Москве в 1972 г., при этом отмечалось, что конкретно-научные принципы и методы исследования личности и деятельности ученого еще не разработаны*. Изучение этого феномена возможно, если рассматривать научные достижения как производное социальных условий, а науку — как производное материального бытия, поскольку научное и художественное творчество подчиняются общим универсальным законам творческого мышления, а жизнь художника и ученого подчинена определенным историческим закономерностям и при всем своем индивидуальном своеобразии социально обусловлена**.

Историки науки, изучая различные аспекты ее развития, уже не могут обойтись без обращения к художественному творчеству, идет ли речь о философско-научных проблемах или о роли ученого, исследователя природы. Так, отмечена связь художественной литературы и науки в XVII–XVIII вв. (роль Галилея в создании литературной прозы в Италии, отрицание абсолютной однозначности, ощущение бесконечной сложности мира в «Фаусте» Гёте***); иногда вспоминают писателей-фантастов (Бласко де Гарай, Сирано де Бержерак^{14****}). Ученые наших дней признают, что наука XVIII в. была тесно связана с развитием мировоззрения,

* См.: Человек науки / Под ред. М. Г. Ярошевского. — М., 1974. — С. 5.

** Там же. — С. 9, 12.

*** Кузнецов, Б. Г. Понятие ценности науки и проблема ее воздействия на цивилизацию // Механика и цивилизация XVII–XVIII вв. / Под ред. А. Г. Григорьяна и Б. Г. Кузнецова. — М., 1979. — С. 13. — Заметим, что в этом отношении «Фауст» обычно чаще всего привлекает внимание историков науки.

**** Боголюбов, А. Н., Григорьян, А. Т. Классическая механика и техника XVII–XVIII вв. // Там же. — С. 76.

с развитием культуры; естественнонаучные идеи как «спорный пункт нового мировоззрения» влияли на литературу и искусство, на их содержание (в качестве примера приводится литературное творчество Вольтера, Дидро, Руссо)*. Общности научного и художественного познания посвящена работа Б. Г. Кузнецова, где анализируются, в частности, «спор древних и новых», связь художественной системы (просветительский классицизм Вольтера) с механической картиной мира, свойственной XVIII столетию**.

Нельзя не согласиться с тем, что в это время, когда науки дифференцировались, когда разделилось гуманитарное и естественнонаучное знание, когда большую роль в жизни общества стали играть ученые-энциклопедисты и ученые-дилетанты, личность ученого «обособляется среди других героев литературы», получая конкретные профессиональные приметы. Однако утверждение, что личность ученого в художественном творчестве середины XVII – начала XIX в. занимает «очень малое место»***, неточно. Практически за пределами внимания исследователей этой проблемы до сих пор остаются существенные области литературы, и, в частности, французский роман первой половины XVIII века.

Тема ученого, однако, широко проникает на страницы романов этой эпохи. Первым по времени и по значимости среди них стал роман «Персидские письма» Монтескьё. Экзотические персы, герои этого романа приезжают в Европу не с намерением торговать, не в составе дипломатической миссии и не в погоне за новыми ощущениями, а для того, чтобы «учиться» (21, 58, 98, 70). Таким образом, цель их поездки в Европу — овладение новым знанием для более глубокого постижения мира****. Монтескьё, видимо, сознательно строит свой роман так, что его персы — и умудрен-

* Боярский, П. В. Французские энциклопедисты и классическая механика // Там же. — С. 217.

** Кузнецов, Б. Г. Классическая механика и общественно-экономическая мысль // Там же. — С. 282–283, 299, 321, 339—340, 343.

*** Македонов, А. В. Личность ученого в художественной литературе // Человек науки. — С. 292.

**** Путешественники-европейцы XVII – начала XVIII в. свидетельствовали, что персы не любят путешествовать. «Персы не любят ни прогулок, ни путешествий... Что касается путешествий, то путешествия из простого любопытства кажутся персам еще более непостижимыми, чем прогулки», — писал знаменитый купец Ж. Шарден, отчет о путешествии которого на Восток был в библиотеке Монтескьё в замке Ла Бред (Chardin, J. Voyages en Perse...: In 3 t. — Amsterdam, 1687. — Т. 2. — Р. 39, 40. См. также:

ный опытом, зрелого ума Узбек, и юный, с открытым и веселым характером Рика — не завязывают в Париже любовной интриги, как это случится в дальнейшем с героями романов, написанных последователями Монтескьё (например, «Турецкие мемуары» Годара д'Окура¹⁵ (1743) или «Нескромные сокровища» Дидро (1748), ибо главное для них — постижение законов бытия*.

Появление в «Персидских письмах» темы ученого было связано в целом с задачей научного осмысления мира, которую поставил перед собой французский роман первой половины XVIII в.

Монтескьё одним из первых научные проблемы сделал основными в содержании романа, а своих героев — учеными людьми. Почти все главные персонажи «Персидских писем» сведущи в той или иной научной области, хотя их функция в романе — не только занятия науками. Среди всех выделяется Узбек, человек энциклопедического ума, редкостной любознательности и учености. Он, персидский вельможа, вынужден покинуть свою отчизну из-за того, что сердце его «добродетельно», что «он видит порок», что «хочет донести истину до трона» (21–22). Это вызывает опасения, и Узбек, узнав, что его ждет опала, а возможно, и тюрьма, оставляет родину и уезжает в Европу, во Францию.

Он признается: «По вечерам я записываю то, что заметил, увидел, услышал днем. Все меня интересует, все удивляет: я, словно дитя, нежные органы которого живо реагируют на малейшее воздействие» (98). Интересы и познания Узбека многосторонни и глубоки. Об этом свидетельствуют его письма, адресованные различным корреспондентам: Рустану в Эрзерум он сообщает о своих впечатлениях от путешествия и получает от него сведения о политических новостях в Персии; с Мирзой из Испагани обсуждает проблемы этические; другу Иббену в Смирну сообщает о своих наблюдениях над европейскими порядками; Нессиру в Испань — о собственных настроениях, переживаниях, тоске; с Мехметом-Али, ученым-теологом, муллой в Кумах, и Гемшидом, своим кузеном, дервишем монастыря в Тавризе, он беседует о

Desgraves, L. Caialoque de la bibliothèque de Montesquieu. — Genève; Lille, 1954. — N 2738, 2739).

* В этом плане за Монтескьё следовал его страстный почитатель философ-просветитель маркиз д'Аржан, для которого Монтескьё был «одним из самых великих людей», «неподражаемым автором» (Argens, marquis d'. 1) Lettres cabalistiques. . . : In 7 t. — La Haye, 1769–1770. — Т. 7. — Р. 251, 293. 2) Lettres chinoises...: In 6 t. — La Haye, 1756. — Т. 2. — Р. 266).

проблемах религиозных. Научные вопросы решаются Узбеком в письмах, адресованных Реди и Рике. Реди, племянник Иббена из Смирны, тоже едет в Европу «учиться» — Узбек приветствует это намерение (58). Живет он в Венеции и сообщает Узбеку в Париж, что ум его «образовывается день ото дня: я изучаю секреты торговли, постигаю тайные мотивы политики государей; различные формы их правления. Я отнюдь не пренебрегаю европейскими суевериями; я тщательно изучаю медицину, физику, астрономию; я изучаю искусства; словом, я освобождаюсь от пелены, которая покрывала мне глаза на родине» (70). К Реди чаще всего Узбек и обращает свои ученые письма, поскольку любознательный племянник доверенного друга живо интересуется мнением Узбека по волнующим его вопросам.

Рика, к которому Узбек относится с искренней симпатией, отличается не только «отменным здоровьем», «крепким телосложением», «молодостью» и «жизнерадостностью» (62), но и «живостью ума», которая «позволяет ему быстро все схватывать» (58). Он с любопытством наблюдает новые западные порядки (быт, нравы, политическое и церковное устройство), но не оставляет без внимания и мир ученых, обнаруживая при этом не только здравый смысл, но и подлинную образованность.

Долгое время среди знатоков творчества Монтескье бытовало мнение, будто «Персидские письма» — это гениальный философский труд, но неудавшийся роман. Так считал (совсем недавно) Антуан Адан (см. его предисловие к научному изданию «Персидских писем» в 1954 г.); еще в 1925 г. Ф. К. Грин заявил, что интрига гарема в романе жалка, что психология героев ничтожна, что Монтескье не создал хорошего романа*. Существует также мнение, что философский роман должен одушевляться единым заданием, его структурные формы — определяться задачей автора, главным для которого является выражение философской рационалистической идеи. Это соображение дает, как считают те, кто придерживается подобных воззрений, основание выделять в философском романе-трактате (в данном случае — в «Персидских письмах»)

* См.: Green, F. C. Montesquieu the Novellist and some Imitation of the «Lettres persanes» // MLR — 1925. — Т. 20. — N 1. P. 32–42. См. также: Le Breton, A. Le roman au XVIIIe siècle. — Paris, 1898 (с. 205: «Только по ошибке можно считать это произведение романом»); Lançon, G. Histoire de la littérature française. — Paris, 1908 (с. 702: «В “Персидских письмах” нет даже и тени психологизма, в них отсутствуют искусство и поэтичность»).

отдельные жанровые пласты: риторический, моралистический, романский, свою специфику. Причем первый пласт признается нехудожественным*. Однако представление о французском философском романе как о «рационалистической конструкции идей автора», «выражении только его мировоззренческих тенденций» на самом деле очень далеко от истины. Глубокая философская и научная проблематика не препятствовала тому, что философские романы XVIII столетия (и тем более «Персидские письма») были подлинно художественными произведениями, где философское содержание органически сочеталось с динамической фабулой, с психологически разработанными характерами персонажей, показом социальных условий, влияющих на формирование характеров. Таковы философские романы Мариво, аббата Прево, Кребийона Младшего, маркиза д'Аржана, Дюкло, мадам де Тансен, мадам де Графийи¹⁶, философские повести Вольтера и, конечно, романы Дидро и Руссо.

«Персидские письма» — роман, поистине хорошо написанный. Глубина и многообразие его содержания выражены при помощи различных художественных приемов: использования восточной тематики, принципа сравнения Запада и Востока, сочетания философского и художественного обобщения, полифонической сложности и многоплановости писем и т. д. Остановимся лишь на одном аспекте этой проблемы — выборе автором в герои ученого и философа. И Узбек, и Рика, и Реди — фигуры, в некотором роде условные, причина этому — философско-обличительная направленность «Персидских писем». Широта воззрений героев романа изумляет: философские системы, учение о материи, деизм, физика, химия, анатомия, медицина, даже еще не сформировавшаяся в те времена геология; история, право, политика, филология — все привлекает их внимание. Перечисленные науки были известны и самому Монтескье, своими знаниями он щедро наделяет вымышленных им героев.

Большую художественную функцию в романе выполняет двойственность героев, которая в наибольшей мере присуща образу Узбека. Он — и «гражданин Вселенной», размышляющий над судьбами мира, и деспот-муж, преданный обычаям и обрядам

* См.: Семенова, С. Г. Философский роман Ш. Л. Монтескье «Персидские письма» (жанровые особенности) // Филологические науки. — 1972. — № 5. — С. 37–47.

своей родины. Монтескьё солидарен с Узбеком, когда тот осуждает тиранию, религиозную нетерпимость, мракобесие; когда тот на основании опыта и наблюдений, ученых занятий и размышлений пытается постигнуть естественные законы, которые движут развитием мира; когда тот, сравнивая Восток и Запад, приходит к мысли об относительности понятий, борясь тем самым с отжившими догмами и авторитетами.

Но Узбек — не только alter ego автора*, он и герой романа. Он муж, обладатель достаточно большого гарема; Узбек — безжалостный тиран, собственник, вынуждающий своих жен вести унижительное для человека существование. За это Монтескьё наказывает Узбека холодной, терзающей его душу ревностью: Узбек не верит в добродетель своих жен, поскольку она вынужденна; он боится бесчестья.

Хотя трактовка «Персидских писем» у Роже Лофе как романа рококо в целом вызывает серьезные возражения, нельзя не согласиться с его мнением, что Узбек — трагический герой, что в этом «великолепном романе» выражена трагедия его эпохи — противоречия между чувствительностью и разумом, традицией и прогрессом**. Двойственность образа Узбека легла в основу его психологизма: при всей зрелости и диалектике его ума, при всей последовательности его поведения не стоит забывать и о мучительном его сомнении в правоте собственной философии, философии мусульманина, которой противопоставляются иные

* Существует мнение, что Узбек и Рика — это двойное лицо Монтескьё: в них отражен его сложный темперамент, они якобы свидетельствуют о противоречивости воззрений президента Бордосского парламента. Доказывается это фактами биографии автора «Персидских писем», а также использованием уроков, почерпнутых из чтения «Характеров» Лабрюйера (см.: Barrière P. Les éléments personnels et les éléments bordelais dans les «Lettres persanes» // RHLF — 1951. — N 1. — P. 17–36). Влияние «Характеров» на манеру Монтескьё признается многими исследователями (см., напр.: Семёнова, С. Г. Указ. соч. — С. 39–40; Schackleton, R. Montesquieu: A Critical Biography. — Oxford, 1961. — P. 28). Однако психологизм «Персидских писем» очень далек от во многом абстрактного морализма Лабрюйера. Монтескьё, новатор в области романа, не слепо следовал урокам «великого века» и не стремился облегчить душу, выражая на страницах романа свои сомнения и противоречия. Его герои-ученые ищут в науке, помимо намерения постигнуть истину, защиту в драматических столкновениях с жизнью.

** Läufer, R. La Réussite romanesque et la signification des «Lettres persanes» // RIILF — 1961. — N 2. — P. 188–203, 202.

законы — естественный протест Роксаны против унижающих ее и других жен Узбека условий существования в гареме. Узбек осознает свое бессилие перед этими естественными нормами (постигнуть которые ему помогает, в частности, и наука).

Понять характер Узбека в связи с научными, философскими, социально-правовыми проблемами, которые так занимали Монтескьё, т. е. увидеть художественную ткань романа, помогает расположение писем героев и ответов на них. Отметим пока только, что даже в личной интимной переписке с женами и евнухами Узбек не перестает научно объяснять многие явления. Он признается Нессиру: «Не то, чтобы, Нессир, я их любил... В больших сералях, которые мне принадлежали, я сам предупреждал любовь; я уничтожал ее ею самою» (18). К этой мысли Узбек, как мы уже видели, возвращается не один раз. Он относится к женам как внимательный и опытный врач, неусыпно следящий за их здоровьем (119, 73). Задолго до Ламетри он называл человеческий организм «машиной» (55, 73); он писал о душе, соединенной с телом, которое беспрестанно ее тиранит (20, 24–25, 73, 159).

Итак, с самого начала романа философско-научная проблематика сочетается с интересом Монтескьё к психологии героев: к первому черному евнуху адресовано второе письмо Узбека, где он призывает следить за порядком в гареме, словно предчувствуя беду, которая случится за время его отсутствия (12–14). Третье, четвертое и седьмое письма он получает от жен: Заши страдает от разлуки с ним (14–16), Зефи жалуется на тиранию евнуха (16), Фатима страстно объясняется ему в любви (19–21). Женам Узбек не отвечает. В письмах к друзьям он рассуждает о политических порядках в Персии, рассказывает поучительную историю о троглодитах, делится впечатлениями от путешествия и т. д. И только в XX письме к Заши он упрекает ее за прегрешения против принятых в гареме порядков. При этом Узбек уже страдает от ревности; это замечают евнухи: «...страдания его становятся более острыми, подозрения усиливаются, он хочет увеличить число их (жен. — М. Р.) стражей» (52).

Что же является причиной такого молчания? Мусульманское, восточное отношение к женщине как к низшему существу? Отсутствие любви к женам? Занятость другими, более важными делами? Да и далее, по ходу романа, Узбек почти не отвечает женам. Он делает исключение, лишь написав письмо Роксане (59–61) — о различии нравов Востока и Запада и медицински

поучительное письмо Зелие (154–155). Всем остальным он пишет письмо, угрожающее суровой расплатой за нарушение законов (135–136), поскольку евнухи сообщают ему о беспорядках в гареме. Явная драма в гареме, непослушание, бунт начнут разыгрываться с письма CXLVII и достигнут кульминации в конце романа (письмо CLXI). Именно в это время Узбек усиленно занимается научными вопросами (начиная с письма XCVII мы можем судить об этом), тогда как о смутах в гареме ему уже не раз писали евнухи. Занятия наукой ему, измученному ревностью и уповающему только на жестокость, придавали силы; может быть, они отвлекали его от мыслей о том, что неизбежно должно случиться (измена и бунт любимой жены Роксаны) и что он сам мучительно предчувствовал. Но вполне возможно допустить и то, что наука для Монтескьё и его героя Узбека оставалась главным занятием, отодвигающим все остальное на второе место.

Узбек прославляет науку, хотя сердце его полно приносящим страдание беспокойством. Изучение наук наводит Реди на тревожные размышления, каковы будут последствия их развития, искупит ли их полезность тот вред, который они могут причинить: «...я нахожусь в постоянном страхе, как бы в конце концов не сделали бы какого-нибудь открытия, которое может привести прямым путем к гибели человечества и уничтожить полностью целые народы и нации». Далее Реди констатирует, что многие открытия — порох, бомбы, химия, компас — губительны для человечества, ибо служат его истреблению или обращению в жесточайшее рабство (218–219). Узбек не разделяет его опасений: утрата наук и ремесел приведет к варварскому, несчастному состоянию. Как убежденный сторонник общественной полезности наук, искусств и ремесел Узбек-Монтескьё уверен: «Если в науке будет сделано фатальное изобретение, оно будет запрещено к употреблению волею народов; и единодушное согласие погребет это открытие» (220–223).

Как ученый Узбек убежден, что все в мире подчинено объективным закономерностям, которые никому не под силу изменить по своему произволу (149–151); он утверждает первичность материи и вторичность сознания; признавая объективное существование природы, Узбек в теории ее постижения опирается на опытное знание, видя в ощущении единственную основу знания, постигающего суть вещей (200–203, 41–42). С этих философских позиций он и решает научные вопросы. Серию писем (CXII–CXXII) Узбек

посвящает проблемам механизма Вселенной, изменчивости как следствию универсального движения материи, медицине и т. п. Это образованный физик, математик, химик и даже геолог. Когда Узбек говорит о возобновлении спора «древних и новых»¹⁷, — это здравомыслящий ученый филолог. О формах государственного правления, о политическом развитии различных стран Узбек и его корреспонденты (193, 95, 270, 276–279) судят, следуя тенденциям историзма. Эти политические очерки предвещают «Рассуждение о причинах величия и падения римлян» (1734) и «Дух законов» (ср. книги XI, XXVIII, XXX, XXXI).

Таким образом, в значительной степени новизну и своеобразие «Персидским письмам» придают герои этого романа и свойственный им научный взгляд на мир; существенно и то, что герои Монтескье — не только ученые: Узбек — и любопытствующий путешественник, и внимательный наблюдатель быта и нравов, и обходительный светский человек, и измученный страхом за свою честь, сознанием собственного бессилия перед беспорядками в гареме муж; он и философ-космополит, и жестокий деспот. Такое многообразие облика главного героя дало возможность автору «Персидских писем» решать на страницах своего романа самые разнообразные проблемы, актуальные для его времени и не утратившие своего значения и по сию пору. Уроками Монтескье с благодарностью воспользовались его последователи, в первую очередь Мариво, маркиз д'Аржан, аббат Прево, Кребийон Младший, Пуллен де Сен-Фуа¹⁸ и многие другие романисты. Но и им едва ли было дано объективно ответить на вопросы, стоящие перед общественным и научным сознанием людей XVIII столетия, которое было во многом сковано метафизическим, детерминистским взглядом на мир. Однако о том, что было возможно постигнуть и отразить в художественной форме, романисты писали на страницах своих: сочинений. <...>

Вслед за героями Монтескье ученые становятся героями и других романов.

Интерес писателей первой половины XVIII в. к науке и ученым свидетельствовал о связи литературы с общественной жизнью, о намерении романистов отразить самое передовое, свойственное научной и философской мысли. Так романы, в которых действуют ученые, стали органической частью общественного поведения

писателей*, стремившихся к тому, чтобы их произведения были не просто развлечением, а и полезной услугой обществу. Таким образом, можно заключить, что в «Персидских письмах» опытное познание мира противопоставляется умозрительному знанию априори. Отсюда большая роль научных проблем в тематике книги. В романе отразились новейшие открытия в естествознании конца XVII – начала XVIII в. в физике, химии, геологии, биологии, медицине. Естественные науки, по Монтескьё, помогают объяснить и закономерности развития общественной жизни. Материалистический взгляд на мир, основанный на передовых научных представлениях, впервые был выражен именно в романе Монтескьё, где автор предстал перед читателем не только как художник, но и как ученый-естествоиспытатель, стремящийся проникнуть в многообразные тайны природы, касается ли это проблемы познаваемости мира, его материальности и свойств материи или законов эволюции мира и человека. «Персидские письма» были первым, но не единственным романом первой половины XVIII в., пытающимся проникнуть в тайны природы. Роман-трактат Монтескьё энциклопедичен вследствие многочисленности и многоплановости затронутых в нем проблем; важное место среди них занимают и естественнонаучные вопросы; их постановка и разрешение (на основе новейших научных достижений того времени) способствовали формированию единой материалистической концепции мира — одной из наиболее сложных и наиболее важных задач, с неизбежностью возникавших перед наукой, философией, литературой века Просвещения.

ФРАНЦУЗСКИЙ РОМАН ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА И «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

В июне 1751 г. в Париже увидел свет первый том книги «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел»

* См.: Лихачев, Д. С. Стиль как поведение. (К вопросу о стиле произведений Ивана Грозного) // Современные проблемы литературоведения и языкознания. — М., 1974. — С. 191–199. См. также: Мотрошилова, Н. В. Познание и общество: Из истории философии XVII–XVIII вв. — М., 1969. — С. 14; Крутоус, В. П. О художественном детерминизме: (Эстетический анализ понятия «мотивировка» и принципа мотивированности в искусстве). — М., 1981.

во Франции в XVIII веке» (СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994); «Бюффон — писатель» (СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997).

М. В. Разумовская

Естественнонаучные идеи в романе-трактате Монтескье «Персидские письма»

Печатается по: Разумовская, М. В. Естественнонаучные идеи в романе-трактате Монтескье «Персидские письма» // От «Персидских писем» до «Энциклопедии». Роман и наука во Франции в XVIII веке. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. Главы печатаются с сокращениями.

¹ *Преформизм* (от лат. *praeformo* — преобразую) — учение XVII–XVIII вв. о развитии зародыша из половых клеток, в которых уже предполагается наличие готовых частей и отдельных органов будущего организма, а его развитие заключается только в увеличении в размерах. Преформистами были Антони Левенгук, Марчелло Мальпиги и др.

² *Эпигенез* (от греч. *epi* — после, сверх; *genesis* — возникновение) — концепция, противоположная преформизму, о последовательном развитии эмбриона, совершающееся благодаря следующим одно за другим новообразованиям (дифференциации частей).

³ *Роберт Бойль* (1627–1691) — англо-ирландский химик, физик и богослов. Ввел понятие химического элемента и заложил основание для молекулярной теории веществ. Закон Бойля–Мариотта о давлении газов открыт в построенной им оксфордской лаборатории в 1662 г., т. е. раньше Эдма Мариотта (1676).

Роберт Гук (1635–1703) — ученик Р. Бойля, английский естествоиспытатель и изобретатель, открывший один из основных законов классической механики, названный его именем.

Эдм Мариотт (1620–1684) — французский аббат и физик.

⁴ *Ричард Таунли* (*Тоунли*) (1629–1707) — английский математик, натурфилософ и астрономом, ученик Р. Бойля.

Пьер Гассенди (1592–1655) — французский католический священник, философ и теолог, математик и астроном. Был приверженцем атомистического понимания материи и этических принципов Эпикура. Оказал большое влияние на Локка и был оппонентом Декарта, отвергая врожденность идей. В отечественной истории науки ему ошибочно приписывались материалистические взгляды.

Марен Мерсенн (1588–1648) — французский математик и физик, философ и теолог, более известен современникам как теоретик музыки. В его понимании музыкальная гармония — это часть теологии и математики. Был в переписке с Р. Декартом (соученик по католическому колледжу), Паскалем, Галилеем, Гюйгенсом, Гассенди и др. (изданы 15 томов

его переписки). В современной математике используется понятие «число Мерсенна».

Джованни Доменико Кассини (1625–1712) — французский астроном и инженер итальянского происхождения, которому принадлежат многие открытия в области измерений расстояний до небесных объектов.

Олаф Кристенсен Рёмер (1644–1710) — датский механик и астроном, первым доказал конечность скорости света (1676).

Христиан Гюйгенс (1629–1695) — голландский физик, астроном и математик. В молодости — последователь картезианского механицизма. Первый президент Парижской академии наук (1666). Внес огромный вклад в становление теории вероятности, уточнил законы кинематики, в оптике — сформулировал принцип Гюйгенса, изобрел маятниковые часы и часовую спираль, используемую во всех ручных механических часах.

⁵ Результат замера Рёмера близок к результатам современных измерений.

⁶ *Эдмунд Галлей (1656–1742)* — английский ученый, проводивший множество наблюдений за астрономическими объектами, магнитным полем Земли и демографическими процессами в обществе. Его магнитными картами активно пользовались в навигации в России до начала XX в. В его честь названа комета, наблюдаемая невооруженным глазом.

⁷ *Андре Дасье (1651–1722)* — французский филолог-классик, бессменный секретарь Французской академии с 1713 г. Известны его переводы словаря Помпея Феста «О значении слов» (*De verborum significatu*), трагедий Софокла, поэм Горация, трудов Аристотеля, Эпиктета и Плутарха.

⁸ Вероятно имеется ввиду *Томас Рид (1710–1796)* — шотландский ученый и философ, оппонент Д. Юма и Д. Беркли, известен как сторонник «теории здравого смысла», на основе которой строил теорию познания и к которой возводил этические принципы.

Джон Толанд (1670–1722) — ирландский просветитель и философ, проповедовавший веротерпимость к нехристианам и деистическую картину мира в физике. Придерживался материалистического понимания пространства и времени.

Этьен Бонно де Кондильяк (1715–1780) — французский просветитель, философ сенсуалистического склада, автор популярного в XVIII столетии «Трактата об ощущениях» (*Traité des Sensations*), 1754).

Дэвид Юм — см. выше примеч. 74 к статье А. А. Никонова.

Бернар Ле Бовье де Фонтенель — см. выше примеч. 51 к статье А. А. Никонова.

Вольтер, настоящее имя — *Франсуа-Мари Аруэ (1694–1778)* — французский писатель и философ, один из лидеров европейского Просвещения. Ему принадлежат труды по истории («История Карла XII», «История Российской империи при Петре Великом»), сочинения в области философии (трактаты, так называемые философские повести «Задиг», «Кандид»), поэзии

(«Генриада», «Орлеанская девственница»), драматургии («Эдип», «Заира», «Магомет»), публицистические произведения, а также многочисленные письма. Первое полное собрание сочинений Вольтера было предпринято Бомарше в 1784–1789 гг. и заняло 70 томов. Был последовательным противником всех форм абсолютизма и фанатизма, выступая сторонником идеи «просвещенной монархии», имеющей в своей основе союз монарха и философа. Социально-политическим идеалом Вольтера и его последователей было «царство разума», под которым понималось справедливое общественное устройство, гарантирующее равные возможности и права для всех людей. Увлечение в Европе идеями Вольтера получило название «вольтерьянства».

Пьер Луи Моро де Мопертюи (1698–1759) — французский математик и естествоиспытатель, астроном и геодезист. Был членом Парижской академии наук.

⁹ *Сэмюель Кларк* (1675–1729) — английский философ и теолог. В физике был сторонником Ньютона, опровергал подозрения физика в атеизме и возражал против деистических представлений Лейбница.

¹⁰ *Нептунизм* (от Нептуна) — направление в геологии конца XVIII — начала XIX вв., противоположное *плутонизму* (от Плутона). В первом формировании геологических пластов объяснялось действием вод первобытного океана посредством переноса, осаднения и кристаллизации пород. Во втором главная роль в образовании геологических пород отводилась внутренним силам Земли.

¹¹ *Томас Бёрнет* (1635–1715) — английский теолог, автор трудов по космогонии.

¹² *Исаак Воссюс* (1618–1689) — голландский книжник, библиотекарь, занимавшийся античным стихосложением.

Пьер Бейль — см. выше примеч. 4 к статье Т. Б. Сигал.

Себастьян Ле Претр маркиз де Вобан — см. выше примеч. 2 к статье Т. Б. Сигал.

Франсуа де Салиньяк де Ла Мот-Фенелон (1651–1715) — французский священник, писатель и богослов, воспитатель внука Людовика XIV и будущего короля Испании Филиппа V. Автор знаменитого романа «Приключения Телемака» (1695), написанного в подражание Гомеру. В конце придворной карьеры впал в немилость за книги в защиту квиетизма.

Анри де Буленвилье (1658–1722) — французский историк и астролог. Его увлечение историей своего дворянского рода переросло в апологию франкского дворянства против современного абсолютизма.

Пьер Лепезан Буагильбер (1646–1714) — родоначальник классической политической экономии во Франции.

¹³ *социнианин* — последователь антитринитарного учения Фауста Паоло Социна (1539–1604), близкого к учению Ария.

¹⁴ *Бласко де Гарай* (1500–1552) был капитаном и изобретателем испанского флота. Он сделал несколько важных изобретений, казавшихся

фантастическими в момент изобретения, но внедренных в начале XIX века, однако он не был писателем.

Сирано де Бержерак Эркюль Савиньен (1619–1655) — французский драматург, философ, поэт и писатель, один из предшественников научной фантастики, автор романной дилогии под общим названием «Иной свет» (*L'Autre monde*), где описывается воображаемое путешествие главного героя на Луну и Солнце и жизненный уклад тамошних аборигенов.

¹⁵ *Клод Годар д'Ожур* (1716–1795) — популярный романист XVIII века. На русский язык переведилось его книга «Повесть забавная о двух турках в бытность их во Франции» (1781).

¹⁶ *Пьер Карле де Шамблен де Мариво* (1688–1763) — французский драматург и романист. Его имя прочно связано с историей французского театра. В знаменитых романах «Жизнь Марианны» и «Удачливый крестьянин» (1735) он показывает, как жизненные условия формируют характер человека, сочетая наблюдения над реальной действительностью с тонким и детальным анализом внутреннего мира героев.

Антуан-Франсуа Прево (1697–1763) известен современному читателю лишь как автор бессмертной «Истории кавалера де Грие и Манон Леско» (1731), изначально составлявшей последний, седьмой, том первого романа писателя «Мемуары знатного человека, удалившегося из света» (1728–1731). Однако современникам писатель был знаком с разных сторон своей необычной жизни, которая могла быть сюжетом не одного романа, и насыщенной деятельности. Его многотомная «Всеобщая история путешествий» (1746–1754), знаменитый журнал «За и Против» (1733–1740), труды по истории и художественные произведения одинаково привлекали внимание читающей публики XVIII в. Любопытно, что все десять романов писателя были написаны в форме мемуаров, причем всякий раз ему удавалось по-новому использовать ее возможности.

Клод-Проспер Жюлио Кребийон-сын (1701–1777) — романист. Его творчество — один из очень интересных симптомов движения философской, эстетической, социальной мысли. Наиболее значимые романы 1730–1740-х годов: «Письма маркизы де М графу де Р» (1731), «Заблуждения сердца и ума» (1736), «Софа» (1740).

Шарль Пино Дюкло (1704–1772) — историограф короля, романист, славу которому принесли как его романы: «История госпожи де Люз» (1740) и «Исповедь графа де***» (1741), так и трактаты, посвященные нравам своего времени.

Клодина Александрина Герен де Тансен (1682–1749) в свое время была более известна своей скандальной жизнью: многочисленными любовниками, интригами, которые она вела вместе с братом, отказом от своего сына, ставшего в будущем вторым человеком в «Энциклопедии» Дидро — Д'Аламбером. Ее художественные произведения не так известны. Тем не менее, они внесли заметный вклад в литературу своего времени. Ее первый роман «Мемуары графа де Комминжа» (1735), который современники

сравнивали с «Принцессой Клевской», отмечая его простоту, естественность и страсть, является наиболее удачным в творчестве писательницы и представляет собой оригинальный образец романа-мемуара.

Франсуаза де Графиньи (1695–1758) — французская писательница, драматург, хозяйка литературного салона. Автор популярного романа «Письма перуанки» (1747).

¹⁷ Спор «древних и новых», т. е. последователей античной классики и новаторского современного французского искусства, начался в середине XVII в. с обсуждения эстетических канонов в литературе и следованию им на театральной сцене. Впоследствии он затронул все сферы художественной деятельности.

¹⁸ *Жермен Франсуа Пуллен де Сен-Фуа* (1698–1776) — французский писатель и модный драматург своего времени, автор двух десятков комедий.

¹⁹ *Бенуа де Майе* (1656–1738) — государственный деятель, автор подпольного романа «Теллиамед, или Беседы индийского философа с французским миссионером об уменьшении морей, образовании земли, происхождении человека (Telliamed ou Entretiens d'un philosophe indien avec un missionnaire français sur la diminution de la mer, la formation de la terre, l'origine de l'homme) (1748). Его теория о происхождении Земли оказала влияние на эволюционную теорию и, в частности, на Ламарка и Дарвина.

Антуан Ле Камю (1722–1772) — французский философ, врач, писатель. Его роман «Абдекер, или Искусство сохранить свое здоровье» (Abdeker ou l'Art de conserver sa santé) вышел в 1748 г.

Романы аббата Прево «*Английский философ, или История Кливленда, побочного сына Кромвеля*» (1731-1739) и «*История одной гречанки*» (1740).

«*Нескромные сокровища*» — Первый роман Дидро, вышедший анонимно в 1748 г.

II. РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ МОНТЕСКЬЕ (неопубликованные, наиболее ранние и редкие)

Надежда Юрьевна Плавинская
(род. 1958)

Историк и преподаватель. Закончила исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. В 1988 г. защитила степень кандидата исторических наук («Судьба идей Монтескье в годы Великой французской революции, 1789–1799»). Старший научный сотрудник Центра по изучению XVIII века Института истории РАН.